

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Jane Bunnag. *Buddhist monk, Buddhist layman. A study of urban monastic organisation in Central Thailand*. Cambridge, 1973, 219 p.

Таиланд — одна из стран, где буддизм в течение многих веков является государственной религией. Лица, не исповедующие буддизм, среди тайского населения страны — редкое исключение. Книга Джейн Буннаг является первым в зарубежной этнографии исследованием, в котором рассматривается поведение буддистов-мирян и деятельность буддийских монахов в условиях тайландского города¹.

Книга состоит из введения, шести глав, 9 приложений, библиографического указателя и индекса.

Материал, положенный в основу книги, был собран автором в 1966—1967 гг. в Аюттии, которая в прошлом (с 1350 по 1757 г.) была столицей Сиама. Ныне это провинциальный город с населением в 30 тыс. чел. В Аюттии и ее пригородах имеется 72 буддийских монастыря, различающихся как по числу живущих в них монахов (в среднем в них 8—10 монахов), так и по профилю: одни ориентированы на просвещение молодых монахов, и в них не принимают старцев, другие, наоборот, подобны пансионатам для престарелых — их избегают молодые монахи. В пяти из 15 обследованных автором монастырях, наряду с монахами, живут и монахини.

При проведении своего исследования Дж. Буннаг стремилась найти ответы на следующие вопросы: 1. Численное соотношение монахов и мирян; 2. Возраст вступающих в буддийский орден; 3. Мотивировка пострижения в монахи; 4. Уклад жизни монастырской общины; 5. Ее связь с мирским обществом; 6. За что ценят миряне монастыри и монахов; 7. Каковы современные тенденции в отношении мирян к буддийской общине.

Ответы на первые три вопроса содержатся в первой главе книги — «Путь монахов» (стр. 29—50). Сообщая, что в 1967 г. в Аюттии было 434 монаха и 37 послушников, автор признается, что выяснение истинного соотношения числа постоянных монахов и мирян в этом районе затрудняется тем, что фактически в монастырях Аюттии живет 68% монахов, пришедших из других мест, в то время как многие жители Аюттии уходят в монастыри Бангкока. Данные статистики Департамента по делам религии по всей стране также не позволяют решить эту задачу, так как они относятся к периоду поста, когда вообще число монахов резко возрастает за счет временных монахов.

Обследование Дж. Буннаг показало, что 46% монахов пришли в монастырь в возрасте 20 лет, 11% — до 30 лет, остальные — после 30 лет.

Казалось бы, можно не сомневаться, что на вопрос о цели, которую они преследовали, вступив в сангху, монахи ответят: ради глубокого изучения буддийского учения. Фактически, как показали наблюдения Дж. Буннаг, лишь небольшая часть монахов постигает буддийскую доктрину; причем многие из тех, кому это удается, возвращаются к светской жизни. Характерно, что, покидая монастыри, сыновья крестьян редко возвращаются к земледельческому труду, обретая возможности к продвижению на государственной службе в столице. Таким образом, религиозное образование позволяет достичь более высоких ступеней социальной иерархии.

Ответом на четвертый и пятый вопросы служат главы вторая — «Монах и мирское общество» (стр. 51—85), третья — «Монастырская община» (стр. 86—99) и четвертая — «Ват и его социальная матрица» (стр. 100—141).

Главный источник доходов монастыря — подношения мирян после периода поста (так называемого *тат качин*), включающие новую одежду, мебель, посуду и деньги. Большие доходы приносят буддийскому духовенству церемонии *там бун*, которыми отмечаются в Центральном Таиланде важные события в жизни человека: рождение, свадьба, похороны, переход из одного возраста в другой, постройка нового дома и др. Чтобы получить средства, необходимые для строительства или реставрации монастырских помещений, монастыри прибегают к организации благотворительных базаров или к церемонии *тат мачачат* (чтение историй из предшествующих воплощений Будды).

Финансовыми делами монастырей руководят специальные комитеты, в состав которых входят прихожане, монахи и настоятель монастыря. Иногда миряне, подносящие монастырю деньги, высказывают пожелания как их использовать: так, некая жительница Аюттии завещала одному из городских монастырей сбереженные ею 1000 батов на пищу собакам, живущим во дворе этого монастыря. Часто миряне просят соорудить на их деньги новый павильон на территории вата, который служил бы напоминанием об их благотворительности.

Монастырская казна не должна в принципе расходоваться на повседневное питание монахов. Однако, как показали наблюдения Дж. Буннаг, в обследованных ею

¹ О жизни деревенских монастырей в Таиланде, см. например, Н. К. Kaufman, *Banghuad*. N. Y., 1960; S. L. Tambiah. *Buddhism and the spirit cults in North-East Thailand*. Cambridge, 1970, а также наши рецензии на эти издания: «Сов. этнография», 1965, № 5, с. 161—164 и «Сов. этнография», 1973, № 3, с. 186—187. Из работ советских авторов см.: В. И. Корнев. Тайский буддизм. М., 1973.

монастырях традиционный ежедневный ритуал хождения за подаением выполняет лишь один из каждых трех монахов. Остальные по разным причинам уклоняются от исполнения этого символического акта, который должен напоминать монаху о его нищенском положении, об уподоблении Будде с его полным отречением от мирской жизни.

Дж. Буннаг специально интересовалась организацией ежедневных выходов монахов из стен монастыря для сбора еды. Она обнаружила, что у каждого из обследованных ею монастырей имеется определенное число домов (от нескольких до полусотни), на которые они могут постоянно рассчитывать. Миряне, каждое утро дающие еду проходящим мимо их домов монахам, не образуют группы, объединенной привязанностью к какому-нибудь определенному монастырю; более того, они часто даже не знают, из какого монастыря приходят монахи, которым они дают еду. С одной стороны, это объясняется тем, что по той же дороге могут ходить монахи из различных монастырей (при этом «пограничных споров» между монастырями не бывает), и, наоборот, монахи из одного монастыря обычно ходят по нескольким маршрутам (стр. 101). С другой стороны, это отчасти определяется особым характером отношений буддийского храма с окружающим населением, не образующим постоянного его прихода, а разбивающимся на группы, которые создаются по различным поводам и после исполнения своей миссии распадаются. Некоторые монахи посещают рынки, где получают пищу и от торговцев, и от покупателей. Еда, принесенная в монастырь, делится между всеми его обитателями.

Дж. Буннаг исследовала внутреннюю структуру монастырей общины, порядок назначения настоятелей, их деятельность. Так как пост настоятеля монастыря пожизненный, во главе ряда монастырей оказываются больные, старые, неспособные к активной деятельности лица, что приводит некоторые монастыри к полному упадку.

Каждый монах с момента посвящения фактически приписан к определенному монастырю, о чем делается отметка в его личном удостоверении. Многие монахи весь период монашества проводят в одном монастыре, но вообще этому не придается особого значения. В период поста (с середины июля до середины октября) монахи не могут покидать монастырь без разрешения настоятеля, в остальное время им дозволены значительные передвижения.

Ответ на вопрос, какую пользу извлекает для себя тайское общество из существования многочисленных монастырей с их обитателями, оторванными от производительного труда, читатель найдет во второй и четвертой главах рецензируемой книги. Население ценит монастыри, во-первых, за то, что в них сосредоточено все необходимое для важных церемоний достижения заслуги — там и все оборудование, и специалисты. Во-вторых, монастыри являются приютом для престарелых членов общества, мальчиков из бедных семей или приехавших в город из деревни с желанием получить образование; они же дают ночлег всем путникам. В-третьих, путь к социальному продвижению в тайском обществе лежит через монастырь; этим охотно пользуются многие честолюбцы.

Дж. Буннаг обнаружила, что хотя Аюттия является центром религиозного просвещения, в ней мало ученых монахов. Однако репутация монаха среди буддистов-мирян зависит не столько от его эрудиции, сколько от его душевных качеств, возраста, талантов. Некоторые монахи становятся жертвами своей популярности, так как получают слишком много приглашений от мирян (для проведения в их домах церемоний достижения заслуги, по случаю освящения дома, открытия магазина, благословения на благополучные путешествия по дорогам страны на новой машине и т. д.). Автор рассказывает о 72-летнем монахе, который так устал от подобных приглашений, что не мог придумать иного выхода из положения, как выйти из буддийского ордена (стр. 67). Монахи, отличающиеся особым красноречием, получают приглашения в столицу и другие города страны.

Религиозному мышлению тай присущ явный рационализм, заключающийся в представлении о возможности обмена материальных ценностей на духовные и наоборот. Одаривая монастыри и монахов, миряне совершают хороший поступок — *бун*, а накопление *бун*, дающее надежды на лучшее перевоплощение в будущем и приносящее удовлетворение в настоящем, — едва ли не главная цель жизни буддистов.

Дж. Буннаг отмечает, что подобная практика вносит в положение монаха элемент парадоксальности: уход от мирских дел позволяет ему накопить заслуги и тем завоевать почтение мирян, последние же получают заслугу, дая монахам подарки, от принятия которых в принципе члены сангхи должны воздерживаться.

В традиционном тайском обществе церемония достижения заслуги, по случаю кремации и пр. с участием монахов рассматривается не только как средство продемонстрировать свою приверженность буддийским ценностям, но попутно и свои достижения в жизни. Поэтому разделяющие эту установку члены общества не щадят денег на роскошное их проведение, считая скромность в этих случаях неуместной. Эти церемонии, несущие подчас весьма разорительный характер, едва ли не сродни потлачу. Дж. Буннаг рассказывает об одной женщине, завещавшей на церемонию кремации крупную сумму денег, так как ей хотелось, чтобы в этой церемонии участвовало 500 монахов.

Высокий престиж буддийской религии в государстве, приписываемая ей роль одного из символов национального единства — поддерживает у мирян желание иметь репутацию хороших буддистов. И если низшие слои общества доказывают свою при-

верженность буддизму пополнением сангхи, то представители высшего класса стараются доказать свой интерес к религии значительными денежными пожертвованиями в пользу монастырей.

Показателен факт, приводимый в четвертой главе книги (стр. 132): в состав монастырского комитета одного из ватов Аюттии входят 8 мирян, из которых трое — китайцы и один индеец. Видимо, членство в комитете воспринимается обществом как свидетельство гражданственности. Поэтому стать членами комитета стремятся даже лица, исповедующие другие религии.

Однако Дж. Буннаг утверждает, что в последние годы увлечение благотворительностью в пользу буддийской сангхи в Таиланде снизилось, так как общество в целом больше интересуется западным образом жизни с его культом материальных ценностей (стр. 128). Отход от традиционного образа жизни в Аюттии, по наблюдению Дж. Буннаг, сопровождается потерей интереса к буддийским церемониям, уклонением от участия в церемониях, организуемых соседями, предпочтением к приобретению автомобилей, телевизоров и т. п. Интеллигенты в Аюттии довольствуются скромными ритуалами, которые выполняются в основные моменты их жизни, пренебрегают посещением буддийских святых мест, благотворительных базаров в монастырях и т. п. Таким образом, интерес к религии не охладил лишь у жителей Аюттии, занимающих более низкое общественное положение (стр. 148).

Появились новые тенденции в отношении к буддийской сангхе и на государственном уровне: в последнее время правительство пытается привлечь монахов к ряду государственных мероприятий, связанных с организацией просвещения в отдельных районах страны, которые правительство пытается втянуть в общенациональную жизнь. Миряне и религиозные деятели по-разному относятся к расширению традиционной роли монахов. Буддийские монахи поставлены перед выбором: либо потеря реальных общественных функций при поддержании своего традиционного статуса, либо большее включение в мирское общество ценою уменьшения своего особого престижа (стр. 84—85).

Весьма убедительно, на наш взгляд, автор книги критикует точку зрения многих ученых, работавших в Таиланде, согласно которой подчеркивание в буддизме теравада положения об индивидуальном спасении приводит к ломке и распаду личных отношений и ослаблению общественных связей, противопоставляя ей следующее утверждение: «...анализировать элементы социального взаимодействия, включая передачу заслуги — эту первостепенной важности концепцию буддизма теравады, означает проследить вены и артерии тайского общества» (стр. 2). По мнению Дж. Буннаг, поступки, которые тай считают достойными награды (заслуги), следует, с этнографической точки зрения, расценивать как поступки, направленные именно на поддержание социальной солидарности.

Полемизируя (в главе 6, стр. 180—187) с приверженцами концепции о тайском обществе как социальной системе с рыхлой структурой, Дж. Буннаг признает, что в тайском обществе постоянные группы относительно редки, однако, как пишет она далее, «в вопросе истолкования и анализа я расхожусь с моими коллегами, не разделяя их готовности использовать религиозную этику для объяснения приписываемой тай антипатии к совместным действиям» (стр. 183).

Действительно, богатый материал, собранный Дж. Буннаг и помещенный в рецензируемой книге, со всей очевидностью свидетельствует о том, что те установки и понятия членов тайского общества, которые связаны с буддийским мировоззрением, побуждают их к весьма активным социальным связям. Выразительный пример этого таблица 5.4 (стр. 173—177), в которой перечислены участники церемонии посвящения в монахи трех сыновей одного жителя Аюттии, состоявшейся летом 1967 г. в одном из монастырей Аюттии; при этом указаны сделанные ими взносы. Общее число людей, откликнувшихся на это событие, составляло 268 чел., внесенные ими деньги — 12 040 батов — полностью окупили стоимость церемонии (11 515 батов). Между отцом посвященных в монахи юношей и этим обществом в 268 человек существуют социальные связи, которые в сочетании с представлениями о буддийской этике и побудили их принять участие в столь важном деле.

Книга Дж. Буннаг позволяет взглянуть на тайский буддизм как бы изнутри, глубоко проникнуть в развернутую автором картину жизни монахов и мирян, их взгляды, взаимоотношения, тенденции развития.

Читателям, знакомым с литературой о Таиланде прошлого и начала нынешнего века, без сомнения, бросятся в глаза значительные перемены в установках членов сангхи. Об этом свидетельствуют такие факты, как принятие от мирян денег, прекращение частью монахов сбора подаяний, появление в монастырском быту многочисленных предметов светского обихода (телевизоров, дорожных безделушек) и т. п. Изменилась прежняя установка, согласно которой считалось большей заслугой возвести новый храм, чем отремонтировать старый: монахи, с которыми общалась Дж. Буннаг, находят более целесообразным ремонт старого храма, а еще более важным — строительство школы или больницы.

В прошлом монахи составляли прослойку интеллигентов, удовлетворявших значительную часть духовных запросов общества. В наше время сфера деятельности монахов, особенно городских, сузилась: отпала их роль как школьных учителей, сократилось их использование как врачей, астрологов, советников.

Дж. Буннаг отмечает случаи, когда религиозное сознание монахов меняется, но они не хотят это обнаружить, боясь потерять поддержку мирян, сохранивших консервативные понятия (стр. 23).

Книга Дж. Буннаг дает пищу для размышления о новых тенденциях, которые явно проявляются в отношении к буддизму со стороны мирян (снижение числа временных монахов, нежелание части мирян производить траты на поддержку сангхи и пр.) и свидетельствуют о спаде религиозного энтузиазма в тайском обществе, становящемся все более светским.

Книга Дж. Буннаг, насыщенная информацией, чрезвычайно ценной как для тайландоведов, так и для всех интересующихся судьбой буддизма в современном мире, займет достойное место в ряду исследований, посвященных тайскому буддизму.

Е. В. Иванови